

Литература

1. Об областной государственной программе «Реформирование и развитие государственной гражданской службы Свердловской области (2010 - 2013 годы)»: Постановление Правительства Свердловской области от 19 октября 2009 г. № 1452-ПП // Собрание законодательства Свердловской области. 2010. № 10-4 (2009). Ст. 1587.
2. Об утверждении областной целевой программы «Развитие кадровой политики в системе государственного и муниципального управления Свердловской области» на 2013 - 2015 годы: Постановление Правительства Свердловской области от 19 февраля 2013 г. № 183-ПП (в ред. от 10.06.2013). Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

Гайкин В.А.

г. Владивосток

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КОРЕЙЦЕВ В ЯПОНИЮ (К СТОЛЕТИЮ КАТАКЛИЗМА)

Корейская трудовая иммиграция 1914-1918 гг.

Исчезновение Кореи с политической карты мира в 1910 г. в результате аннексии и включение её в состав Японии не дало корейцам автоматически всех прав японского гражданина. Хотя после аннексии они и стали считаться «японскими подданными», но с немаловажным уточнением – «этнические корейцы», что подчёркивало их неравнозначность японцам. Их права были ограничены и регулировались различными указами и подзаконными актами. Как отметил американский исследователь Edward W. Wagner, «корейские подданные Японии... не пользовались правами и привилегиями японских граждан [15, с.9]. Только с 1925 г. корейские иммигранты получили формальное право голоса на выборах в представительные органы Японии, но

реализация этого права обставлялось различными регламентациями, такими как, неучастие в выборах лиц, получающих пособия от государства, либо работающих в рамках каких-либо государственных программ (например, общественные работы для безработных), каковых среди корейцев всегда было предостаточно. «Корейцы не имели права переводить в Японию свой юридический адрес, что означало ущемление их гражданских прав и прав как субъекта коммерческой деятельности» [15, с.20].

Тем не менее, право на въезд и проживание в Японии в качестве «гастарбайтеров» они получили, поэтому аннексия Кореи (1910 г.) стала точкой отсчёта создания в Японии самой большой за пределами Кореи корейской диаспоры. В 1911 г. в Японии насчитывалось 2527 корейских иммигрантов [9, с.58]. Первым опытом целевого найма корейцев и последующего ввоза в Японию можно считать их вербовку в 1911 г. для работы в г. Осака на текстильных фабриках компании «Сэтцу босэки кабусики кайся». На завод «Акаси кодзё» первые 15 корейцев были приняты в мае 1913 г. (До 1917 г. для работы на этом заводе было ввезено 11 групп корейских рабочих общей численностью 208 чел.). Перед началом первой мировой войны (в 1913 г.) в Японии насчитывалось 3600 корейцев [12, с.450].

Во время первой мировой войны военные заказы, которые размещали в невоюющей Японии её воюющие союзники вызвали быстрый рост военного производства и потребность в рабочей силе. Бурное развитие экономики Японии, поставлявшей оружие, снаряжение, промышленные товары для воюющих держав, в 1914-1918 гг. требовало значительных трудовых ресурсов, которые пополнялись пришлым корейским населением. Иммигранты были востребованы в тех сегментах японской экономики, работа в которых полностью или частично игнорировалась аборигенным населением.

У японцев появилась возможность переложить на ввезённых из Кореи «гестарбайтеров» работу по известной формуле «3 Д» - dirty, dangerous,

difficult (грязная, опасная, тяжёлая). Как отмечал правительственный источник: «Первая мировая война вызвала рост производства в Осака, Кобэ, Фукуока. Компании стали испытывать нехватку рабочей силы. Началась вербовка корейских рабочих, в том числе и в шахтёрские регионы». Только в первом полугодии 1917 г. оргнабор корейцев на различные предприятия Японии по их заявкам осуществлялся 21 раз. Мужчин было затребовано 4220 чел., женщин – 2370 чел. всего – 6590 чел. Нанято было около 3000чел. [9, с.55].

Основная часть корейских иммигрантов направлялась на самый большой и промышленно развитый остров Японии Хонсю. В ноябре 1917 г. чиновники министерства торговли и сельского хозяйства провели обследование рабочей силы в районе Кансай. Согласно полученным данным, корейские «гестарбайторы» трудились здесь на металлургических заводах, текстильных фабриках, судостроительных верфях. В префектуре Осака на заводе «Кидзу кодзё» (компания «Сэтцу босэки») работали 1911 корейцев, на сталелитейном заводе «Сумитомо» -1916 корейских рабочих. В префектуре Хёго на судовой верфи «Кавасаки» – 1914 чел., сталелитейном заводе «Кобэ сэйтэцусё» – 1916 корейских «гестарбайторов» [9, с.55,56].

Осака становился центром корейской диаспоры в Японии. Газета «Осака майнити симбун» 26.12. 1917 г. писала: «Во всей префектуре Осака около 2000 рабочих корейцев, три четверти из них фабричные рабочие и грузчики. В самом городе Осака 1500 корейских рабочих. Около 90% корейцев – мужчины, женщин 150 – 160 чел., которые в основном работают на ткацких фабриках. Много, до 200 чел. в день, требуется подсобных рабочих на металлургические заводы, землекопов, зарплата которых составляет 50 – 60 сэн, строителей с низкой квалификацией на сооружение портов, дорог, укрепление берегов рек» [9, с.56, 57].

В марте 1918 г. фирма «Ивавата босэки» направила в Корею своих представителей для вербовки корейцев на фабрику, в результате к работе

приступили 50 работниц-корейнок. В июле того же года был произведён второй набор. Как было отмечено в докладе японских экспертов: «Производительность труда корейских работниц несколько ниже, чем у японок, но корейки не требовательны к условиям проживания, уровень жизни у них ниже, в контексте их низкого заработка использование ткачих-корейнок выгодно» [9, с.57].

В некоторых секторах экономики уже к началу 20-х гг. корейский труд доминировал. В Токио – в дорожном строительстве, в префектуре Осака – на строительстве дамб и водных сооружений [9, с.57]. Тяжёлая опасная и грязная работы были уделом корейцев. Это текстильные фабрики, металлургические заводы, стекольное производство, рудники, шахты. «Гастарбайтеры» из Кореи были землекопами, дорожными рабочими, транспортными рабочими, лесорубами, они строили электростанции, железные дороги. В редких случаях корейцы работали прислугой, домработницами [9, с.58].

В быстро индустриализирующейся Японии росла потребность в угле и как следствие численность шахтёров. Значительную часть новых рабочих мест на шахтах стали занимать корейские иммигранты. К концу 1-й мировой войны в 1918 г. число корейцев-шахтёров в Японии достигло 2480 чел., что составляло 11,1% численности корейцев в Японии (22411 чел.) Как отмечали специалисты японской компании «Хоккайдо танко кабусики кайся» («Хокутан»), «корейцы послушны, сильны физически, после обучения они в квалификации не уступают японцам» [4, с.230].

Угольные месторождения в Японии это в основном Хоккайдо (второй по величине остров Японии). На Хоккайдо первые 10 корейцев были ввезены из Владивостока в 1916 г. для работы на шахтах компании «Хокутан» [4, с.225]. Компания «Хоккайдо кисэн кабусики кайся» с 1917 г начала осуществлять вербовку «гестарбайторов» в Корею для работы на шахтах этого острова. Большинство корейцев работало на шахтах, находившихся в г.

Юбари и его окрестностях. Газета «Отару симбун» 28 июля 1919 г. писала: «На шахты Юбари с 1916 г. нанято более 700 корейцев, часть из них вернулась на родину после завершения контракта, часть сбежала. Они терпят лишения, не понимают языка. Есть среди них и плохие люди. Вначале они не ладили с японцами, но постепенно плохие (преступники) сбежали, уехали. Оставшиеся выучили японский язык. Их положение улучшилось. Вначале производительность труда у них не достигала и половины от японских рабочих. Постепенно квалификация росла, росла и заработная плата, доходящая до 120-130 иен в месяц» [4, с.229].

Крайне тяжёлые условия труда на шахтах Хоккайдо приводили к сильной текучести кадров. Из приехавших в 1917 г. для работы на шахтах Юбари, Мандзи, Паранай, уволилось – 682 корейца, сбежало – 232 чел. (34 %) [6, с.239]. В 1917 г. добычей угля на шахтах Юбари, Синюбари, Мандзи уже занимались 370 корейцев, в 1918 г. – 669 чел., в 1919 г. – 754 корейских шахтёра [2, с.227]. В 1920 г. Хоккайдо по численности корейской диаспоры (2643 чел.) среди регионов Японии вышел на 4-е место. (1-е место – префектура Фукуока 7033 чел., 2-е – Осака 4672 чел., 3-е – Хёго 2904 чел. [9, с.59].

Специфический менталитет японцев, иерархичность их мировидения отразилась на отношении к рабочим – иммигрантам. По мнению авторов, выполненного в МИДе Японии исследования «Положение корейцев в Японии в 1925 г.» (Тайсё дзюённэн тю ни окэру дзайрю тёсэндзин но дзёкё), «японцы рассматривали корейцев как низшую расу. Корейцы всегда чувствовали себя в Японии чужими» [17, с.34]. Как само собой разумеющееся, воспринимался тот факт, что зарплата корейцев была всегда гораздо ниже оплаты труда японца, выполнявшего ту же самую работу в том же самом объёме. Так в 1917 г. в префектуре Фукуока на стекольном заводе «Осато» средняя зарплата рабочих японцев составляла 35 сэн, корейцев – 25

сэн. В порту г. Осака японцы - докеры зарабатывали в месяц 1 иену 20 сэн – 1 иену 30 сэн, корейцы – 90 сэн [9, с.61].

Роль мигрантов в создании built environment⁵⁵ Японии (1918-1937)

С 1915 г. по 1930 г. население Кореи увеличилось на 30 % [11, р. 28]. Промышленный потенциал Кореи рос не так быстро, что привело к диспаритету между спросом и предложением рабочей силы. Не находящая применения на родине масса неквалифицированных безработных корейцев хлынула в Японию. 20-е годы — это период быстрого роста численности корейской диаспоры в Японии, которая за десятилетие увеличилась в 10 раз - с 31720 чел. в 1920 г. до 298091 чел. в 1930 г. по другим данным до 419000 чел. [9, с.88].

Экономическая рецессия в Японии после Первой мировой войны ударила в первую очередь по корейским трудовым мигрантам, ставшими амортизационным ресурсом, подпадавшим под сокращение и спасавшим от увольнения японских рабочих. Статистики закрытия фабрик и количества, оставшихся без работы корейцев нет, сошлёмся на комментарии прессы. В статье в Осака Асахи симбун от 1 декабря 1918 г. под названием «Безработным корейским рабочим нужна помощь» констатировалось: «Среди уволенных в результате сокращений персонала рабочих особенно много корейцев, они на пороге гибели» [18]. Существование армии безработных поддерживалось благодаря, масштабным программам общественных работ, связанных с реализацией градостроительных проектов, строительства административных зданий, сети санитарно-гигиенических сооружений, шоссейных и железных дорог.

Оказавшись за воротами фабрик, иммигранты были вынуждены искать любую временную работу на рынке подённого труда. Их количество на этом рынке было так велико, что мэрии японских городов уже с 1923 г.

---

⁵⁵ Инфраструктура экономического развития – транспортная инфраструктура (автодороги, ж.д. магистрали), городская инфраструктура (благоустройство городских территорий, муниципальное строительство), инженерная инфраструктура (водопровод, канализация, электросети)

рассматривали корейцев как основной контингент для (не фабричных) подённых работ. Как констатировал чиновник мэрии Осака: «Рынок подённого труда невозможно представить без корейских трудовых мигрантов» [8, с.6]. Этот тренд укрепился в период реализации 4-х летнего плана (1923-1927) восстановления Токио после землетрясения 1923 г. Если безработных японцев брали временными рабочими на фабрики и заводы, то корейские подёнщики использовались главным образом как чернорабочие на общественных работах.

В 1928 г. 54,7% подённых чернорабочих на стройках программы общественных работ в Токио были корейцами [14, с.78]. Примерно такая же ситуация была по всей стране – в Иокогама, Нагоя, Осака, Киото, Кобэ. Корейские иммигранты стали доминировать на объектах программы общественных работ. «В секторе неквалифицированного строительного труда корейские подёнщики абсолютно необходимы. Реализация строительных проектов в рамках программы общественных работ без корейской рабочей силы была бы трудноосуществима» [3, с.36].

Инструментом социального управления корейскими подёнщиками, обеспечивавшим их выход на рынок труда были рабочие общежития (хамба). «Хамба – это управляемое корейцем общежитие для корейских рабочих, которое одновременно является для них и минибиржей труда. Японских строительных рабочих и разнорабочих обычно ищут в так называемых родобэя (рабочее общежитие), корейских чернорабочих, как правило, в хамба» [6, с.43]. Специалисты по социальноэкономической истории Японии отмечают, что хамба и её внутренняя иерархия (воспроизводившая средневековую японскую систему ояката) была основным паттерном организации рабочих в горнорудной и строительной отраслях в новое время. Аналогичная (полуколониальная) система торговли существовала в 18 веке в регионах Британии - Южном Уэльсе, населённом валлийцами и Шотландии, где она были запрещена указом правительства Британии только в 1831 г.

Хамба в межвоенный период в Японии, хотя и была деформирована капиталистическими отношениями и демократизацией общества оставалась рудиментом феодализма. Она продолжала использоваться в капиталистическом производстве как специфическая форма превращения колониальной рабочей силы в товар. Помещение хамба было одновременно и общежитием и столовой. Как правило, такой барак строился недалеко от фабрики или стройплощадки. Хамба были особенно распространены (в отдалённых труднодоступных местах) на рудниках, угольных шахтах или находящихся в движении строй-площадках (строительство железнодорожных линий, тоннелей). В последнем случае это были временные бараки, которые возводились на новом месте после завершения прокладки данного участка магистрали.

Формально проживание рабочих в хамба было бесплатным (в отличие от рабочих общежитий). На деле плата была, она называлась хамбафи (хамбарё, хамбадай) и покрывала стоимость (амортизацию) используемых рабочими инструментов, потребляемых продуктов – риса, сакэ, мисо, овощей, табака, часто одежды и обуви, а также услуги старосты барака, информировавшего о завтрашнем рабочем месте. Рабочие были вынуждены покупать продукты и товары первой необходимости в лавке при хамба, поскольку аванс выплачивался купонами, имевшими хождение только в этой торговой точке. Стоимость покупок вычиталась из зарплаты в конце месяца. Независимое расследование, проведённое журналом Кёдзай выявило, что цена на соевый соус, пасту мисо и овощи в киосках хамба были на 30% выше чем на ближайшем рынке. Маржа шла в карман хозяину хамбы.

Выплата зарплаты подёнщикам была опосредована целой цепочкой посредников-субподрядчиков, в том числе управленцев хамба, через руки которых проходили деньги выделенные фирмой-заказчиком для оплаты труда рабочих. Каждый из субподрядчиков брал себе из этой суммы «свой процент» за услуги. (Вычитаемая часть фонда зарплаты получила жаргонное

название пинханэ, такое же название получила вся система вычетов в пользу посредников). Многозвенная система посредников, повышая степень эксплуатации трудовых мигрантов, маскировала ответственность фирмы-заказчика (или управления общественных работ) за низкие зарплаты, обезличивала, «растворяла» эксплуатацию, делала «крайними» последних в цепочке - корейских хамбагасира.

Замкнутый круг, который образовывали посредники, использовавшие неполноправный статус трудового мигранта, паразитировавшие на его труде и невозможность самостоятельного найма, вызывали недовольство и борьбу корейских трудовых мигрантов против спрута эксплуатации. В 1928 г. в заявлении министерства в частности говорилось: «...Каждый раз, когда кореец открывает рот он кричит об эксплуатации или посреднической эксплуатации» [11, с.57]. После резкого увеличения численности корейских иммигрантов в Японии в 20-х гг., роста конкуренции на рынке труда и безработицы оплата труда корейских рабочих стала дискриминационно низкой. Разрыв между уровнем оплаты рабочих-японцев и корейцев увеличился по сравнению с периодом 1910 – 1920 гг. За один и тот же труд при одинаковой квалификации рабочий кореец стал получать в 1,5 – 2 раза меньше чем его коллега японец. В префектуре Сага в 1928 г. дневной заработок землекопа – японца составлял 2 иены 34 сэн, у корейца 1 иен 1 сэн; грузчика японца – 2 иен 65 сэн, корейца – 1 иен 39 сэн. [9, с.101].

Результатом колониальной эксплуатации корейских строителей было создание в Японии между двумя мировыми войнами так называемой *built environment* – инфраструктуры экономического развития: городская инфраструктура (благоустройство городских территорий, муниципальное строительство), инженерная инфраструктура (канализация, водопровод, электросети), транспортная инфраструктура (автодороги, ж.д. магистрали).

Общая протяжённость канализационных сетей выросла с 2000 километров в 1912 г. до 20000 километров в 1935 г. В одном только Токио – с

1000 км. в 1912 г. до 5000 км. в 1935 г. В Осака за тот же период рост с 116,5 километров до 2 200 км. [16, с.69]. Мигранты строили автодороги, перебрасывая тысячи тонн гравия, сооружали водоотводы, укрепляли берега рек, взрывами динамита прокладывали тоннели в горных хребтах, укладывали сотни километров рельсов, связывая центральную часть Японии с окраинами страны. Между 1912 г. и 1937 г. протяжённость железных дорог увеличилась с 3000 км. до 10000 км. Количество железнодорожных станций – с 477 до 4255. [16, с.69].

Литература

1. Имаи Сэйити. Нихон но рэкиси (История Японии). № 23. Тайсё демократии (эпоха демократии Тайсё), Токио. Тюо коронся, 1978. 393 с.
2. Кан Ток Сан. Гэндайси сирё 6. (Материалы по новейшей истории. т.6.) Канто дай синсай то тёсэндзин (Великое землетрясение в Канто и корейцы). Токио. 1963. 607 с.
3. Кётоси кёикубу сякайка. Кётоси ни окэру хиятои родося ни кансуру тёса (Социальный сектор отдела образования мэрии Киото. Обследование положения подёнщиков в Киото). Киото. 1931. цит. по Kawashima Ken C. The proletarian gamble... p. 73 4. Кувахара Садахито. Киндай Хоккайдоси кэнкю дзёсэцу (Введение в изучение современной истории Хоккайдо). Саппоро. 1982.
4. Мацуо Такаёси. Канто Дайсинсай ка но тёсэндзин гякусацу дзикэн. дзё (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения Канто. ч.1) Shiso. № 471. сентябрь 1963. С. 30-48.
5. Мусанся симбун. 25.07.1928.
6. Наймусё кэйхокёку (Министерство внутренних дел управление полиции). Тайсё дзюнинэн кугацу цуйтати синсайго кэйкай кэйби

иппан (Действия полиции после землетрясения 1 сентября 1923 года).
без даты. 209 с..

7. Осака си сякайбу тэсака. Хиятои родося мондай (Сектор обследований социального отдела мэрии Осака. Проблемы подённых рабочих). 1924 март. с. 6. цит. по Kawashima Ken C. The proletarian gamble... p. 5.
8. Пак Кэн сик. Дзайнити тэсэндзин ундоси (Общественно-политическая история корейцев в Японии). Токио. 1979. 456 с.
9. Психиатрия. Учебное пособие для студентов медицинских вузов / под ред. В. П. Самохвалова. — Ростов н/Д.: Феникс, 2002. с. 13.
10. Сихосё кэйдзи кёку. Тэсэндзин мондай (Министерство юстиции. Корейский вопрос). Токио. 1928. 208 с.
11. Такахаси Камэкити. Ниппон сангё родорон (Труд в японской промышленности). Токио, 1937. 376 с.
12. Такахаси Синъити и др. Рэкиси но синдзицу: Канто дай синсай то тэсэндзин гякусацу (Правда истории: землетрясение в Канто и убийства корейцев). Токио. 1975. 258 с.
13. Токёси сякайкёку. Токёси сякайкёку нэмпо 1929 нэндо (Управление по социальной работе мэрии Токио. Ежегодник за 1929 год). Токио. 1929. с. 78. цит. по Kawashima Ken C. The proletarian gamble... p. 71. 15. Edward W. Wagner. The Korean minority in Japan 1904-1950 New York: Institute of pacific relations, 1951. 257 с.
14. Kawashima Ken C. The proletarian gamble. Korean workers in interwar Japan. Duke university press Durham and London. 2009. 385 p.
15. Mitchell Richard H. The Korean minority in Japan. University of California press. Berkeley and Los angeles, 1967. 279 p.
16. Osaka asahi shinbun. 1.12.1918.
17. Stanley Cohen. Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers. Oxford: Basil Blackwell, 1972. 248p.

18. Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1923. Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 1989. 230p.

Гайкин В.А.,
г. Владивосток

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ И ТИХООКЕАНСКОЕ СООБЩЕСТВО

Создание евразийского экономического союза не «каприз кремлёвской верхушки», а закономерный (промежуточный) итог мирового исторического процесса. В этой программе трансформации евразийского политического пространства, реинтеграции на пространстве бывшего СССР российскому Дальнему Востоку будет отведена важная роль интегративной подсистемы, обеспечивающей экономическую кооперацию с Корейскими государствами и Японией. Договор о мире с Японией в ближайшие десятилетия подписан не будет. Ситуация, усилиями обеих сторон, превратилась в (патовую) тупиковую. Правящие круги Японии, поощрённые предложением Н.С. Хрущёва о передаче ей двух островов, зашли в своих требованиях так далеко, что остановиться и отказаться от своих притязаний без «потери лица» уже не в состоянии. «Сохранить лицо» для японцев воспитанных на самурайской этике поведения не просто фигура речи, а один из главных постулатов в отношениях с окружающим миром.

Для России возврат, полученных в результате победы над Японией «северных территорий», равнозначен, во первых, признанию того, что в советско-японской войне осенью 1945 г. не было победителей; и во вторых, «потере лица» в глазах японцев, которые в своё время захватив у России полСахалина посчитали бы неудачной русской шуткой требование вернуть эту часть острова назад. «Новые японские земли» на Сахалине активно